ПАРТІЯ ЛѢВЫХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ
(интернаціоналистовъ).

ГК651
Ш873

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

И. З. Штейнбергъ.

ПОЧЕМУ МЫ ПРОТИВЪ БРЕСТСКАГО МИРА

Ц. 45 коп.

МОСКВА.
Издательство «Революціонный Соціализмъ».
1918.

ПАРТІЯ ЛѢВЫХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ
(интернаціоналистовъ).

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

И. З. Штейнбергъ.

ПОЧЕМУ МЫ ПРОТИВЪ БРЕСТСКАГО МИРА

Ц. 45 коп.

МОСКВА.
Издательство «Революціонный Соціализмъ».
1918.

1-3163

ГК651
Ш 873
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1 137
27
24640
24640

Почему мы противъ Брестскаго мира.

Удивительное, по истинѣ удивительное время мы переживаемъ. Если бы подойти сегодня къ рядовому русскому рабочему или крестьянину и спросить его: имѣемъ ли мы сейчасъ *миръ*, онъ какъ будто долженъ будетъ отвѣтить: да, мы, наконецъ закончили проклятую войну и заключили миръ съ Германіей, Австріей и другими державами. Но если, спустя минуту, притти къ тому же человѣку и спросить его: а не находимся ли мы сейчасъ въ состояніи *войны*, онъ также увѣренно почти отвѣтитъ: да, конечно, наша страна находится въ состояніи доподлинной войны.

Въ какомъ же случаѣ окажется правъ нашъ предполагаемый собесѣдникъ? Что мы сейчасъ въ Совѣтской Республикѣ переживаемъ: состояніе мира или состояніе войны?

Съ одной стороны, мы видимъ, что германскій и турецкій послы сидятъ въ столицѣ нашей Республики—Москвѣ, сносятся съ нашими вѣдомствами, обѣщаютъ жить въ «дружбѣ и согласіи» съ нами. Наши же послы назначены въ Берлинъ и Вѣну, и представитель Совѣтской Россіи засѣдаетъ въ столицѣ торжествующаго германскаго имперіализма. А съ другой стороны, всѣ мы съ тревогой наблюдаемъ, какъ—несмотря на Брестскій миръ—германскія войска продвигаются по всѣмъ частямъ нашей страны. Уже заняты ими Украйна и Крымъ, уже захватили они руками, подвластной имъ, Турціи Закавказье, уже раздавлены ими свободолюбивые рабочіе и крестьяне Финляндіи, уже забрались они на Донъ, подходятъ къ Курску и Воронежу. Не какъ доброжелательный сосѣдъ, только что заключившій вѣрную дружбу, а какъ враждебный завоеватель огнемъ и мечемъ проходитъ германскій солдатъ сейчасъ по землѣ россійскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Ясно для всякаго, что такое положеніе вещей не есть ни война и ни миръ, а какое то иное состояніе, созданное запутанными условіями русской и иностранной жизни. Какъ мы дошли до такого состоянія и какое же значеніе имѣетъ для насъ Брест-

скій миръ—вотъ вопросы, на которые должна отвѣтить передъ народомъ каждая политическая партія.

Постараемся отвѣтить на эти вопросы и мы, лѣвые соціалисты-революціонеры.

Революція до октября.

Чтобы понять настоящее, надо оглянуться на недалекое прошлое, ибо только изъ него вырастаютъ событія нынѣшняго дня. Всѣ помнятъ въ какомъ сіяющемъ блескѣ пришла къ намъ *Великая Россійская революція* въ февралѣ прошлаго года.

Всѣ классы, всѣ слои населенія, всѣ партіи и всѣ націи Россіи слились въ одномъ могучемъ вздохѣ облегченія, почувствовали себя родными братьями по духу и надеждамъ. Царское самодержавіе, давившее позоромъ и преступленіемъ въ разной степени разные классы, доведшее страну до обнищанія и кровавыхъ неудачъ на войнѣ, погрязшее въ мутной волнѣ дворцовыхъ гнусностей, объединяло почти всѣхъ въ общемъ чувствѣ вражды къ нему. И когда оно пало, и когда на свѣжихъ развалинахъ его встрѣтились впервые люди разныхъ званій и положеній, то на одинъ мигъ показалось, какъ будто одна душа и одни интересы объединяютъ и богатыхъ и бѣдныхъ, и помѣщиковъ и крестьянъ, и фабрикантовъ и рабочихъ. Многимъ недальновиднымъ людямъ тогда казалось, что революція—*общенародная*, національная, что для дальнѣйшей работы всѣхъ россійскихъ классовъ есть какая то общая программа, общій планъ. Это, конечно, оказалось обманчивымъ и жизнь очень скоро разбила въ дребезги всѣ такія надежды. Когда первые дни праздника кончились и классы начали разбираться въ оставшемся имъ хозяйствѣ, они поняли, что каждый изъ нихъ ждетъ отъ революціи другого.

Буржуазія, богатые, сытые и праздные классы (помѣщиковъ, капиталистовъ и банкировъ) надѣялись, что послѣ паденія бездарной царской власти имъ удастся лучше и болѣе умѣло повести *войну* дальше. На спинѣ освободившагося народа буржуазія надѣялась вывести изъ трясины безнадежно застрявшую въ ней колымагу войны. Революція—казалось имъ—это-та самая мягкая дорожка, по которой отнынѣ легко покатится впередъ колесница

войны, неся ей крупные барыши и выгоды и завоевывая новыя земли.

Совсѣмъ иначе смотрѣли на революцію классы бѣдные и униженные, трудовое крестьянство и городской пролетаріатъ. Для нихъ революція-избавительница несла совсѣмъ иные подарки. Они отъ революціи ожидали *земли* и *воли*, но прежде всего и раньше всего, *мира*.

Уставшіе отъ сотенъ лѣтъ рабской жизни трудовое крестьянство и, работавшій неустанно на фабриканта и купца, рабочій требовали возвращенія земли безъ выкупа ея исконному хозяину-трудящемуся, установленія надзора рабочаго за фабричнымъ производствомъ и настоящихъ политическихъ вольностей и правъ. Но они знали, что ни того, ни другого, ни третьяго они не добьются, пока не прикончатъ войны, убивающей силы, средства и самую душу народа. Безъ всякихъ умствованій и безъ ученыхъ книгъ русскій солдатъ (а въ шкурѣ его перебывали почти всѣ русскіе крестьяне и рабочіе) зналъ, что война ему не нужна, что не ради него она затѣяна, что не ему достанутся ея кровавые плоды. Еще подъ царскимъ ярмомъ онъ смутно догадывался, что война идетъ только на пользу буржуазіи всѣхъ странъ, грѣющей себѣ руки у мирового пожара, и что она вноситъ злобу и ненависть среди трудящихся всѣхъ странъ, вынужденныхъ проливать братскую кровь. Революція своимъ яркимъ свѣтомъ, своимъ вольнымъ словомъ окончательно открыла ему глаза на горькую правду войны, и первымъ его требованіемъ поэтому стало: *миръ*!

Миръ не только для одной Россіи, но *миръ* для всѣхъ солдатъ всѣхъ воюющихъ державъ, *миръ*, заключенный не во имя прибыли капиталистовъ и славы царей, а *миръ* во имя равенства и братства трудящихся народовъ.

Такъ различно смотрѣли на войну уже въ самомъ началѣ революціи буржуазія и трудящіеся. Дальнѣйшія событія укрѣпили только эту историческую и неизбѣжную рознь.

Еще 13-го марта прошлаго года Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ обратился къ рабочимъ всѣхъ странъ съ воззваніемъ, въ которомъ призывалъ ихъ всѣхъ встать на защиту дѣла *мира* и принудить свои Правительства къ отказу отъ завоеваній на началахъ «*мира* безъ аннексій и контрибуцій (т.-е. безъ захватовъ земель и обложенія данью) и права народовъ на самоопредѣленіе».

При этомъ, конечно, Петроградскій Совѣтъ надѣялся, что Временное Правительство, немедля послѣ такого воззванія обратится къ союзнымъ съ нами державамъ (Англіи, Франціи, Америки и Италіи) съ предложеніемъ обсудить сообща условія перемирія и *мира*. Вышло однако совершенно иначе.

Временное Правительство, состоявшее почти цѣликомъ изъ представителей помѣщиковъ и капиталистовъ, повело ловкую двуличную игру. Внутри страны оно на словахъ какъ будто присоединялось къ лозунгамъ *мира*, выставлявшимся Революціоннымъ Народомъ, а во внѣшней политикѣ своей оно ни на шагъ не отошло отъ политики царской. Оно такъ же крѣпко дружило съ союзными державами и ихъ послами, оно ни въ чемъ не измѣнило цѣлей войны, оно ничего не предпринимало для начатія переговоровъ о *мирѣ*.

Такъ было до конца апрѣля, когда *Милюковъ*, тогдашній Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, разослалъ союзнымъ державамъ заявленіе о нашихъ цѣляхъ войны, изъ котораго даже слѣпой могъ увидѣть, что все остается по старому и что кровь русскаго солдата и вновь будетъ проливаться ради цѣлей ему чуждыхъ. Пронесся тогда гулъ негодованія по всей странѣ, и буржуазное правительство пало. На его мѣсто пришло правительство коалиціонное, смѣшанное, состоявшее на половину изъ представителей буржуазіи и трудовыхъ классовъ. Духовнымъ руководителемъ этого правительства былъ *Керенскій*. И все же, несмотря на то, что въ составѣ правительства было не мало соціалистовъ, ихъ внѣшняя политика ничѣмъ не отличалась отъ прежней.

Новые министры опять держались крѣпко за руку нашихъ «союзниковъ». При нихъ истиннымъ хозяиномъ въ дѣлахъ государственныхъ былъ не русскій рабочій и крестьянинъ, а англійскій, французскій или американскій посолъ. Не интересы Россійской Революціи, конечно, ставились ими во главу угла, а интересы международной и россійской буржуазіи. И такъ какъ они видѣли, что революціонная армія наша, что и деревня и городъ все больше и больше отходятъ отъ этой войны, что все меньше и меньше влечетъ ихъ къ выполненію «налога крови», то они рѣшили доказать «союзникамъ» на дѣлѣ, какъ вѣрна имъ наша дружба. 18 го іюня нашей арміи было приказано перейти въ наступленіе.

Мы всѣ помнимъ, какіе послѣдствія вызвало это наступленіе. Армія, страстно стремившаяся къ миру, надѣявшаяся въ этомъ

вопросѣ на силы революціи, впала въ глубокое разочарованіе. Она перестала вѣрить своимъ вождямъ, она стала терять внутреннюю спайку, она стала распадаться. Наступленіе окончилось очень плачевно для насъ и въ смыслѣ потерь.

Народъ тогда понялъ, что для дѣла *мира* ничего серьезнаго не дѣлается, что какъ и при царѣ, какъ и при *Милюковѣ*, онъ служилъ только игрушкой въ рукахъ сильныхъ міра сего. Народъ увидѣлъ тогда же, что и для улучшенія его хозяйственнаго положенія ничего не дѣлается: земля еще остается въ рукахъ помѣщиковъ, на фабрикахъ еще цѣликомъ хозяйничаютъ фабриканты. Негодованіе все болѣе и болѣе наростало, а правительство *Керенскаго* не понимало ничего. Оно, какъ и раньше, плелось на арканѣ у искусныхъ заграничныхъ дипломатовъ и нашей отечественной буржуазіи.

Октябрьская революція.

И тогда наконецъ грянулъ громъ и разразился переворотъ въ октябрѣ. Власть на этотъ разъ перешла въ руки крестьянъ и рабочихъ, въ руки представляющихъ ихъ интересы двухъ партій, большевиковъ и лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Только съ этого времени революція получила настоящую свободу дѣйствій. Но надо добавить, что она получила въ наслѣдство отъ всѣхъ прошлыхъ правительствъ и очень тяжелый грузъ. Она получила въ наслѣдіе народъ, истомившійся въ тоскѣ по миру, и армію, почти разложившуюся отъ разъѣдавшей ее извнутри язвы невѣрія и отчаянія. Первая свѣжесть и первыя богатырскія силы, которыя почуялъ въ себѣ народъ послѣ начала февральской революціи, къ этому времени значительно поблѣднѣли отъ долгаго ожиданія и терпѣнія.

И все же Рабоче-Крестьянское Правительство, чувствуя за собой крылья народной поддержки, смѣло начало *борьбу за миръ*. Только оно, наконецъ, рѣшилось сдѣлать то, въ чемъ такъ упорно отказывали всѣ прошлыя правительства: оно обратилось ко всѣмъ державамъ, и воюющимъ и союзнымъ съ предложеніемъ заключить перемиріе на всѣхъ фронтахъ для того, чтобы потомъ перейти и къ переговорамъ о *мирѣ*. И тутъ то обнаружилась цѣна дружбы **нашихъ союзниковъ**: несмотря на повторныя предложенія, они не

согласились вступить въ переговоры о перемиріи. Ихъ, естественно, мало трогало дѣло погибающей въ нищетѣ и крови Россійской Революціи. Но и спасеніе ихъ собственныхъ народовъ отъ безконечной войны ихъ не привлекало: они упорно думали о «побѣдахъ» надъ нѣмцами. И тогда наше правительство вступило съ Германіей и Австріей въ самостоятельные переговоры: перемиріе было вскорѣ заключено и въ Брестъ-Литовскѣ начались переговоры о мирѣ.

Ни одинъ рабочій и ни одинъ крестьянинъ не долженъ никогда забыть о томъ трудномъ, тернистомъ, но славномъ пути, который проходила Россійская Революція въ Брестѣ. Не о Россіи одной и не ради только ея личныхъ выгодъ засѣдали наши послы вмѣстѣ съ германскими генералами и дипломатами. Ихъ дума и ихъ страданіе были за *миръ всѣхъ народовъ*. Сегодня уже многіе хулители Совѣтской власти забываютъ о многомъ изъ этого недалекаго прошлаго, но трудящіеся объ этомъ не могутъ забыть.

Когда заключалось перемиріе, то русскіе послы требовали *непереброски* германскихъ войскъ на западный фронтъ, туда, гдѣ нѣмцы сражались съ французами и англичанами. Россійская революція тѣмъ самымъ показала, что она заботится о французскихъ и англійскихъ трудящихся, погибающихъ на полѣ брани, больше, чѣмъ ихъ «естественные» покровители, ихъ «законныя» правительства. Въ переговоры о перемиріи мы хотѣли втянуть всѣ народы Европы, несмотря на преступную волю ихъ правительствъ.

Однако ни Франція, ни Англія и послѣ этого въ общее дѣло *мира* не вступили. Не вступили они и послѣ, когда начались уже самые переговоры о мирѣ. Послѣ того, какъ наши делегаты правдиво и искренно сообщили свою программу *мира*, которая слово въ слово повторяла то, что заявилъ Петроградскій Совѣтъ 13-го марта (см. стр. 5), нѣмцы огласили свою программу. И самое удивительное въ ней было то, что она на словахъ присоединилась къ основнымъ требованіямъ нашимъ, къ окончанію войны «безъ захватовъ и денежной дани и съ правомъ народовъ на свободу самоопредѣленія», но только при одномъ условіи, *если къ этому миру присоединятся и всѣ остальныя воюющія державы*. Другими словами, Германія и Австрія въ то время такъ нуждались въ немедленомъ мирѣ, что готовы были—пока на словахъ—даже отказаться отъ завоеваній и вернуться къ положенію до войны.

Это была великая минута въ исторіи. Русская Революція въ этотъ часъ стояла такъ высоко, какъ никогда, ибо подъ ея лозунги

вынуждены были поддѣлаться даже хищные имперіалисты грабительскихъ правительствъ. Надо было только заставить примкнуть къ переговорамъ о мирѣ и хищниковъ изъ другихъ державъ, изъ державъ намъ «союзныхъ». И если бы всеобщіе переговоры о мирѣ тогда, дѣйствительно, начались, если бы рабочій классъ всѣхъ этихъ странъ могъ заставить свои правительства примкнуть къ этому дѣлу, какое бы это было торжество для Революціи Россійской, для революціи международной.

Къ несчастью, крестьяне и рабочіе Франціи, Англіи, Америки еще не обладали нужной силой давленія, а Правительства ихъ поняли предложеніе Германіи, какъ признакъ слабости ея. И потому они не только не приняли участія въ переговорахъ Россіи съ Германіей, но даже не отвѣчали на многократные призывы къ нимъ изъ Россіи. Они предпочли оставить своего бывшаго «союзника»—Россію одинъ на одинъ съ имперіалистской Германіей. Послѣ этого, конечно, началось неизбѣжное: началось мучительное единоборство революціонной Россіи съ реакціонной Германіей.

Какъ нѣкогда боролся съ могучимъ Голіафомъ слабый беззащитный Давидъ, такъ и сейчасъ въ борьбѣ противъ, закованнаго въ желѣзо и сталь, германскаго хищника стояла одна Совѣтская Республика, вооруженная революціоннымъ духомъ. Не на штыки и не на горы снарядовъ опиралась она отнынѣ въ переговорахъ о мирѣ, а на ту великую *правду*, о мирѣ и классовомъ освобожденіи, которую несла она себѣ и всѣмъ измученнымъ солдатамъ всѣхъ народовъ. Своихъ союзниковъ во время этихъ Брестскихъ переговоровъ она видѣла въ рабочихъ и крестьянахъ той же Германіи и Австріи, той же Франціи и Англіи.

Нѣмецкіе хищники, оставшись съ глазу на глазъ съ послами совѣтовъ, думали легко и скоро сторговаться съ ними на счетъ разныхъ земель, народовъ и выгодъ, надѣясь подъ флагомъ «хорошихъ русскихъ словъ» провезти къ себѣ домой свой грабительскій грузъ. Они метали жребій о народахъ Польши, Латвіи, Литвы, Украйны и думали ослѣпить глаза «педалекимъ» или неученымъ русскимъ революціонерамъ. Они жестоко ошиблись, ибо въ теченіи трехъ мѣсяцевъ русскіе послы разоблачали передъ всѣмъ міромъ захватническіе планы германскихъ дипломатовъ и ни одной пяди не уступали изъ священныхъ правъ, принадлежавшихъ маленькимъ народамъ, попавшимъ въ плѣнъ германскаго оружія. Какъ ни тщательно скрывали нѣмецкіе имперіалисты

громкое эхо, разносившееся по Германіи и Австріи отъ словъ русскихъ революціонныхъ пословъ въ Брестѣ, а все же оно доходило до ушей германскихъ рабочихъ. И когда черезъ высокіе частоколы, поставленные заботливостью нѣмецкихъ хозяевъ, горячія искры русской революціи полетѣли въ каморки нѣмецкихъ рабочихъ, по Австріи и Германіи пронеслась волна забастовокъ и демонстрацій. Не въ одномъ городѣ и не одна группа рабочихъ, а почти во всѣхъ крупныхъ городахъ, фабрикахъ и заводахъ бастовали сотни тысячъ рабочихъ и провозглашали свои требованія мира на условіяхъ русской революціи.

Конечно, этого движенія нельзя было еще принять за начало германской революціи, но оно означало, что пробита брешь въ «вѣрноподданномъ» поведеніи нѣмецкихъ трудящихся массъ, что они перестали вѣрить сказкамъ своихъ хозяевъ о гражданскомъ мирѣ, что онѣ начинаютъ сливать свои усилія съ дѣйствіями нашей революціи. Германскіе дипломаты, засѣдавшіе въ Брестѣ, поняли тогда, какихъ союзниковъ и надежныхъ союзниковъ пріобрѣтаютъ себѣ русскіе делегаты въ самой Германіи, и поспѣшили быстро положить конецъ переговорамъ. Они потребовали принятія ихъ грабительскихъ условій въ безусловной формѣ. Русскіе послы на это отвѣтили отказомъ.

10 е февраля—вотъ число, котораго также не долженъ забывать никогда ни одинъ рабочій, ни одинъ крестьянинъ.

Въ этотъ день въ Брестѣ, въ твердыни завоевательнаго имперіализма, Россійская Революція еще разъ мощно заявила міру о своемъ революціонномъ исповѣданіи вѣры. Мы не подпишемъ вашего мира—заявили наши делегаты—потому что онъ предаетъ имперіализму трудящіеся классы ряда маленькихъ народовъ. Мы не дадимъ своей подписи подъ миромъ, который не освободитъ, а закабалитъ народы, который дастъ вамъ, бандитамъ войны, право говорить о пользахъ и выгодахъ войны. Но въ то же время мы съ германскимъ, австрійскимъ, турецкимъ и болгарскимъ народами не будемъ больше и воевать, ибо мы не допускаемъ мысли, чтобы опъ опять подъ вашей рукой шелъ на мирную революціонную Россію, мы демобилизуемъ нашу армію. *Не воевать и не подписывать мира*—вотъ какъ русская революція отвѣтила на наглыя домогательства германскаго имперіализма. И надо добавить, что тогда не было въ Совѣтской Республикѣ ни одной соціалистической партіи, которая бы не одобрила этотъ шагъ въ Брестѣ. Въ

Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ ни одна рука не поднялась противъ резолюціи, которая одобряла дѣйствія нашей делегаціи.

Нападеніе германскаго имперіализма.

Наступило затишье. Казалось, что положеніе нѣкоторое время будетъ устойчивымъ; что германскимъ генераламъ не удастся опять возобновить войну съ Россіей. Случилось однако и на этотъ разъ иначе. Видя, что Совѣтская Республика разоружила свою армію, что она не принимаетъ поддержки союзныхъ державъ, германскій имперіализмъ рѣшилъ, что теперь настало для него время дѣйствовать. Онъ рѣшилъ, что не только ему представляется удобный случай округлить свои владѣнія за счетъ Россіи, но что ему удастся сейчасъ разрушить Совѣтскую Республику, какъ таковую. Уже за три мѣсяца Брестскихъ переговоровъ германскій имперіализмъ понялъ, какое мощное орудіе освобожденія куется въ Россіи для рабочихъ всѣхъ странъ и какая опасная революціонная «зараза» льется въ Германію изъ Совѣтской Россіи. Могла ли монархическая, помѣщичья и буржуазная Германія допустить мысль, что бокъ о бокъ съ нею будетъ существовать Республика, въ которой вся власть принадлежитъ рабочимъ и крестьянамъ, въ которой вся земля переходитъ къ народу безъ выкупа, въ которой рабочій учреждаетъ надзоръ надъ фабриками и заводами, въ которой нѣтъ арміи, состоящей изъ солдатъ-рабовъ.

Германскому имперіализму удалось собрать нѣкоторыя воинскія группы и бросить ихъ на безоружную рабоче-крестьянскую Россію. Въ серединѣ мѣсяца февраля войска Вильгельма заняли Двинскъ и стали продвигаться къ Пскову.

Что должна была предпринять теперь Совѣтская власть? Подписать условія германскаго мира? Нѣтъ, этого она не могла сдѣлать потому, что только 10 го февраля она передъ всѣмъ міромъ заявила, что не выдастъ на съѣденіе имперіализму маленькихъ народовъ, что не спуститъ знамени Революціи передъ грабительскими притязаніями имперіализма. За эти восемь дней ничего не измѣнилось, что заставило бы ее измѣнить свои позиціи. Захватъ германцами того или иного города, того или иного куска земли, не только не ударялъ по Революціи, но наоборотъ, могъ только

ударить по планамъ и замысламъ германскихъ хищниковъ. Послѣ того, что произошло во время Брестскихъ переговоровъ, послѣ того, какъ честная, преслѣдующая благо всѣхъ трудящихся, политика новой Россіи выяснилась и передъ германскимъ рабочимъ классомъ, продвиженіе нѣмцевъ не могло, конечно, расчитывать на сочувствіе германскихъ рабочихъ. Больше того: надо было полагать что вхожденіе нѣмецкихъ солдатъ въ предѣлы революціонной страны должно будетъ сблизить ихъ съ русскими рабочими и крестьянами, должно будетъ быстрѣе приводить ихъ къ рѣшенію о всеобщемъ мирѣ и всеобщей революціи.

Мира нельзя было подписывать, но въ то же время Совѣтская Республика не могла объявлять и войны Германіи. Не могла потому, что ея армія была распущена и находилась въ состояніи демобилизаціи, не могла потому, что тогда германскій имперіализмъ опять подстегнулъ бы патріотическія чувства въ своихъ безсознательныхъ массахъ. Но это не значило, конечно, что Совѣтская Россія должна была отдаться на милость любого германскаго отряда, входящаго въ русскія города и села, громящаго Совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, разстрѣливающаго революціонеровъ и народныхъ борцовъ. Наоборотъ, вездѣ, куда придутъ германскія войска, гдѣ подъ началомъ офицерскихъ, дворянскихъ сынковъ они будутъ творить свое черное дѣло классоваго подавленія, вездѣ рабочіе и крестьяне сами-собою *возстанутъ* противъ насильниковъ. Когда разгоняются Совѣты, когда на штыкахъ своихъ нѣмецкіе солдаты несутъ старыя права помѣщику, капиталисту и купцу, тогда естественно противъ нѣмецкихъ солдатъ начинается такая же классовая *гражданская война*, какъ она велась противъ русскаго помѣщика, капиталиста и купца. Тамъ, гдѣ можно, русская революція старалась бы духовно, при помощи агитаціи воздѣйствовать на нѣмецкихъ солдатъ; а тамъ, гдѣ иначе не возможно, она бы силою отбивалась отъ насѣдающаго насилія до того момента, пока къ ней на помощь не придетъ уразумѣвшій рабочій классъ Германіи, Австріи и др. странъ.

Такъ смотрѣли на положеніе вещей въ эти трудныя дни мы, лѣвые соціалисты-революціонеры. Какъ ни больно это было намъ, мечтавшимъ перейти къ великой творческой соціальной работѣ внутри Совѣтской Республики, а все же мы понимали одно. *Мира нѣмецкаго подписывать нельзя, а народъ*, страдающій отъ насилія

слѣпыхъ людей, руководимыхъ сознательными разбойниками капитала, необходимо *призвать къ классовому возстанію.*

Отвѣтъ совѣтской власти.

На этотъ разъ однако произошло иначе. Среди дѣйствовавшихъ доселѣ дружно обѣихъ партій, лѣвыхъ с.-р. и большевиковъ, наступило разногласіе. Въ рядахъ партіи большевиковъ возобладало то теченіе, которое находило, что Совѣтской Россіи сейчасъ далѣе бороться не по плечу, что она вынуждена подписать германскій миръ, какъ бы тяжки ни были его условія. Во главѣ этого теченія стоялъ *Ленинъ*, одинъ изъ вождей и руководителей Октябрьской Революціи, одинъ изъ преданнѣйшихъ дѣлу Революціи людей.

Ему удалось убѣдить большинство своей партіи, что при настоящихъ условіяхъ Совѣтской Республикѣ невозможно взять на себя бремя борьбы за свои условія международнаго мира и что народу нужна передышка для того, чтобы онъ могъ постепенно накоплять свои силы для будущаго. Эта точка зрѣнія получила вскорѣ большинство и въ Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ и на 4-мъ Съѣздѣ Совѣтовъ въ Москвѣ. За такую точку зрѣнія крѣпко держались всѣ солдаты, истосковавшіеся по долгожданному миру, всѣ не сознательные крестьяне изъ глухихъ мѣстъ, которые думали больше о своемъ селѣ, чѣмъ объ интересахъ всей Республики, всѣ слабые и поникшіе духомъ, которые не вѣрили въ возможность дальнѣйшей борьбы революціи Для всѣхъ этихъ группъ трудового населенія подписаніе мира казалось, б. м., и тяжелымъ, но лучшимъ выходомъ изъ положенія: имъ всѣмъ казалось, что благодаря миру—какому бы то ни было миру—трудящіеся Россіи смогутъ вернуться къ своему мирному творческому труду, что, терпя униженіе внѣшнее, мы все же сможемъ укрѣпляться внутренне. И потому то всѣ эти слои населенія не прислушивались къ предостерегающему голосу нашей партіи лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ, не рѣшались вглядываться внимательно въ условія мира, навязываемаго, намъ и только съ отчаяніемъ и упорствомъ повторяли: какой угодно миръ, лишь бы передышка. Только рабочее большинство крупнѣйшихъ городовъ, только наиболѣе сознательные слои трудового крестьянства голосовали противъ этого мира вмѣстѣ съ нами. Но ихъ было мень-

шинство на Съѣздѣ—300 противъ 700—и ихъ воля не стала закономъ.

Какой же миръ подписала Совѣтская власть?

Послѣдствія мира (Финляндія, Украина, Арменія).

На этотъ вопросъ рабочіе и крестьяне должны отдать себѣ самый ясный, самый точный отвѣтъ. Ибо теперь, при обладаніи всей полнотой государственной власти,—трудящіеся Россіи ни на кого не могутъ возлагать отвѣтственность за дальнѣйшія судьбы страны: ни на царя, ни на чиновниковъ его, ни даже на буржуазію. Только трудящіеся Россіи отнынѣ ведутъ корабль Совѣтскаго Государства и имъ же надлежитъ глубоко вдуматься въ положеніе вещей. Германскій миръ, прежде всего, отбираетъ отъ Совѣтской Республики огромныя области и губерніи, сокращаетъ ея границы, дѣлаетъ ее почти на одну треть меньше. Это *территоріальное* умаленіе Республики не потому опасно и печально для нея, что намъ хотѣлось бы во чтобы то ни стало быть великодержавной страной, что намъ нужно давить на весь міръ своимъ туловищемъ и ростомъ. Нѣтъ, великодержавные замыслы для нынѣшнихъ государствъ всегда пахнутъ порохомъ и кровью, ибо во имя ихъ начинаются преступныя войны, во имя ихъ сжимаютъ и давятъ малыя, «недержавные народы», во имя ихъ рабочихъ и крестьянъ отвлекаютъ отъ насущной революціонной борьбы. Великодержавныя замашки капитала имѣла Русь царская и помѣщичья, тѣшившая на нихъ свои честолюбивые планы, растившая на нихъ кровавую славу «Престолъ-Отечества», кормившая на нихъ безпутныхъ и бездѣльныхъ дворянскихъ сынковъ. Великодержавные замыслы еще такіе обуревали грудь нашихъ доморощенныхъ имперіалистовъ, нашихъ кадетовъ и крупныхъ капиталистовъ, когда они неустанно пѣли хвалу то Константинополю, то Галиціи, то Арменіи. Для рабочаго и крестьянина дорога не та или иная территорія, не то или иное названіе ея, а ему дорого то *трудящееся населеніе*, которое на этихъ земляхъ живетъ, и тѣ *общественные порядки*, въ которыхъ оно живетъ. Не потому скорбитъ сейчасъ душа Революціи, что отъ Великой Россіи оторваны сейчасъ многія губерніи и области, а потому она скорбитъ, что отъ власти *революціи* эти губерніи

перешли во власть реакціи, подъ власть помѣщиковъ, царей и капиталистовъ.

Въ занятыхъ сейчасъ германцами земляхъ живутъ рабочіе и крестьяне, только что бокъ о бокъ вмѣстѣ съ нами боровшіеся за правду соціализма, за власть Совѣтовъ, за освобожденіе земли и труда. Еще совсѣмъ недавно мы встрѣчались съ ними на Общероссійскихъ Съѣздахъ Совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ Депутатовъ, еще недавно мы вмѣстѣ закладывали зданіе федеративной Республики, Россійскихъ Соединенныхъ Штатовъ. А сейчасъ они высокой и колючей стѣной отдѣлены отъ насъ, и отдѣлены такъ, что весь соціальный укладъ, который мы строимъ здѣсь, тамъ у нихъ, за стѣной, уже разрушается вражеской рукой.

Да, въ этомъ смыслѣ Россійская Республика хотѣла бы быть великодержавной: она хочетъ быть *Великой Державой Революціи* и соціализма, она хочетъ свои соединенные штаты постепенно расширять и распространять сначала на Европу, потомъ на Америку, потомъ на весь міръ.

Брестскій миръ насъ сразу отъ этой задачи саморасширенія оторвалъ. Онъ насъ лишилъ помощи и революціоннаго содѣйствія милліоновъ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, а ихъ онъ, въ свою очередь, лишилъ нашей помощи и содѣйствія. Не только сократилась по своимъ размѣрамъ площадь соціальной революціи, но—что хуже всего—отторгнутая часть этой площади подпала подъ власть общественнаго строя противореволюціоннаго, антисоціалистическаго.

Вспомнимъ еще разъ, о какихъ это областяхъ идетъ наша рѣчь. По Брестскому миру намъ запрещено вмѣшиваться въ дѣла *Финляндіи*. Легко сказать эти казенныя, малозначительныя по внѣшнему виду слова, но надо раскрыть весь ужасъ этихъ словъ до конца. Къ моменту веденія Брестскихъ переговоровъ демократическая Финляндія совершила свой соціалистическій переворотъ: у власти стали рабочіе. Между обѣими Совѣтскими Республиками, Россіей и Финляндіей, установились, конечно, самыя тѣсныя братскія отношенія.

Договоръ объ ихъ взаимоотношеніяхъ, подписанный въ послѣднихъ числахъ февраля, свидѣтельствовалъ объ этомъ лучше всего. Дружба эта окрѣпла особенно тогда, когда на «Красную Финляндію» ополчились всѣ буржуазные классы этой страны. Будучи болѣе развитой въ хозяйственномъ и политическомъ отно-

шенія, финляндская буржуазія успѣла накопить большія боевыя силы для борьбы, а впослѣдствіи прибѣгла къ помощи буржуазіи шведской и германской.

Когда же финскій пролетаріатъ началъ героическую борьбу за свое дѣло, Совѣтская Россія стала ему оказывать помощь. Республика-мать не могла бы иначе отнестись къ своему духовному рѣтищу. Долгія недѣли боролись финны, постоянно чувствуя за собой революціонный тылъ Петрограда и видя въ своихъ городахъ умирающихъ за общее дѣло товарищей изъ Россіи. Брестскій миръ положилъ конецъ соціалистической мечтѣ финскихъ рабочихъ: Россія обязалась вывезти оттуда свои силы. Зато осмѣлѣла финская буржуазія; она откровенно слилась съ нѣмецкими войсками и быстро стала побѣждать красныхъ пролетаріевъ. Совѣтская же власть вынуждена была разоруживать на своей границѣ отступавшихъ пролетарскихъ бойцовъ. На дѣлѣ же финскіе побѣдители уже давно не ограничиваются одной своей внутренней побѣдой: они покушаются уже и на подступы къ Петрограду, они нападаютъ уже и на части Архангельской губерніи. Въ Финляндіи побѣдили сейчасъ богатые и сытые, и можно ли сомнѣваться въ томъ, какъ они расправятся съ мечтателями и борцами, которые по зову русской революціи подняли знамя возстанія и у себя? Холодный, мертвый, неумолимый режимъ установятъ у себя буржуазные побѣдители, чтобы «не повадно было» другимъ возставать опять. Эта «установившаяся» Финляндія станетъ сейчасъ нашей сѣверной сосѣдкой, нашей сѣверной границей.

По Брестскому миру Совѣтская Россія не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла *Украйны*, ея внутренней Финляндіи и она должна заключить миръ съ ея законнымъ Правительствомъ. Эти скромныя слова опять заключаютъ въ себѣ огромныя послѣдствія. Съ самаго начала революціи украинскія трудящіяся массы повели борьбу не только за свое соціальное раскрѣпощеніе, но и за право управлять своей родиной самостоятельно. При всѣхъ нашихъ быстро смѣнявшихся правительствахъ Украйна требовала предоставленія ей права на національное самоуправленіе въ предѣлахъ Россіи. Этому законному желанію, которое всегда предъявляютъ къ революціи закабаленныя или униженныя массы народа, однако упорно сопротивлялись наши и буржуазные и коалиціонныя Правительства. Тѣмъ самымъ они давали пищу самымъ безшабашнымъ націоналистическимъ притязаніямъ, тѣмъ самымъ они разжигали отраву

національной злобы и непониманія въ несознательныхъ массахъ, тѣмъ самымъ они отодвигали на задній планъ, насущные *соціальные* интересы Украйны. Нашлись конечно, на Украйнѣ ловкіе политическіе дѣльцы, которые изъ споровъ съ нашими слѣпыми правительствами сдѣлали основной споръ Украйны съ *Великороссіей*, которые на этой распрѣ построили хитрую механику соціальнаго одураченія массъ. Въ Кіевѣ образовалась Рада, которая во имя «Вольной Украйны» задерживала ростъ классоваго сознанія украинскихъ рабочихъ и крестьянъ и, наоборотъ, всячески растравляла свои національныя обиды.

Когда же грянулъ октябрьскій переворотъ и Украйна сразу получила самостоятельность своей государственной политики, съ Радой произошелъ новый переломъ. Буржуазные вдохновители и вожди ея поняли, что теперь Совѣтскій строй долженъ будетъ распространиться и по всей Украйнѣ, что теперь-то земля и фабрики окончательно перейдутъ подъ власть и надзоръ рабочихъ и крестьянъ. И они стали искать случая, чтобы освободиться отъ связи съ Петроградомъ, съ Великороссіей, какъ они говорили, Совѣтской Республикой, какъ скажемъ лучше мы. Они стали мѣшать борьбѣ съ корниловцами, явными контръ революціонерами, они стали вести сношенія съ разными державами за спиной Совѣтской власти, они стали мѣшать Совѣтамъ на Украйнѣ.

Послѣ этого началась кровавая междуусобная война на Украйнѣ между сторонниками буржуазной Рады и сторонниками Совѣтовъ, въ которой побѣда явно склонялась на сторону Совѣтовъ. Рада была изгнана изъ Кіева. Но тутъ она и совершила свое послѣднее предательское дѣло. Чтобы избавиться отъ соціальной опасности, которую несла ей «Великороссія», она совершила подлый актъ національной измѣны своему народу. Она объявила о своей полной независимости отъ Россіи, о своей «самостійности», заключила отдѣльный отъ всей Россіи миръ съ Германіей и Австріей и призвала къ себѣ на помощь нѣмецкіе штыки.

Повторилась та же картина, что и въ Финляндіи: въ обоихъ случаяхъ иноземная боевая сила должна была задавить молодое соціальное движеніе трудящихся. Конечно, нѣмецкія силы чрезвычайно облегчили Радѣ борьбу съ Совѣтскимъ правительствомъ Украйны, которое принуждено было скитаться изъ одного города въ другой.

Вотъ въ это то самое время и подоспѣлъ Брестскій миръ,

Библиотека Института Ленина при Ц. К. ...
2661 64
Сф 32 489 24640

который заставилъ Россію *признать* все, что совершалось на Украйнѣ и заключить договоръ именно съ Радой. Что это значило? Это значило не болѣе и не менѣе, какъ то, что Совѣтская Республика отказываетъ въ помощи Украинскимъ рабочимъ и крестьянамъ въ ихъ борьбѣ за свое освобожденіе. Это значило выдать съ головой въ пасть помѣщичьихъ и буржуазныхъ акулъ тѣ самые Совѣты, которые съ такими надеждами затепляли на своей землѣ украинскіе трудовые классы. Это значило создать бокъ о бокъ съ революціонной Россіей новую огромную страну, въ которой будетъ опять владычествовать капиталъ, въ которой земля опять вернется къ крѣпкому хозяину, въ которой на фабрикахъ опять будетъ царемъ и богомъ—фабрикантъ. Это значило окружить себя ужъ не только съ сѣвера, но и съ юга помѣщичьимъ и буржуазнымъ строемъ, который сильно сократитъ и изуродуетъ размахъ нашей соціальной революціи. И тутъ надо сразу добавить. На Украйнѣ тѣмъ самымъ устанавливается хозяйственный строй не только по украинскимъ образцамъ, а онъ проводится по образцамъ германскимъ и австрійскимъ. Никто иной, какъ буржуазные классы *Германіи* и *Австріи* становились владѣтелями «Вольной Украйны», и не только соціальныя, но и законныя національныя требованія оказывались тщетными для трудящихся массъ.

Рада, не имѣвши никогда глубокихъ корней въ народѣ, предавшаяся на милость германскаго оружія, утвердившая свою власть при помощи штыковъ Вильгельма, конечно, не могла говорить съ Германіей, какъ равный съ равнымъ. Она стала слѣпой игрушкой въ рукахъ германскихъ имперіалистовъ. Брестскій миръ, такимъ образомъ, отдалъ Германіи больше, чѣмъ это значилось на *бумагѣ* Брестскаго договора: онъ отдалъ ей подъ соусомъ Рады всю рабочую и крестьянскую Украйну.

А каковы размѣры этой Украйны? Объ этомъ не было ни звука въ Брестскомъ договорѣ. Объ этомъ мы узнавали постепенно и послѣ, объ этомъ мы узнавали даже не изъ Кіева, а изъ Берлина. Сначала объявили, что 9 губерній составляетъ ее: Кіевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Херсонская, Волынская, Подольская, Екатеринославская и Таврическая. Но потомъ, все же украинско—нѣмецкіе войска стали продвигаться далѣе и занимать Курскую, Воронежскую губерніи, область войска Донского, и сейчасъ трудно указать предѣлы ихъ аппетитамъ. Конечно не трудно догадаться, что здѣсь идетъ рѣчь уже не о

«границахъ» Украйны, а о границахъ германскаго имперіализма, который, пользуясь безвольемъ страны, обезпечиваетъ свой собственный продовольственный и металлическій тылъ. Но если здѣсь уже нѣтъ больше призрачной власти Рады, то зато съ каждымъ новымъ продвиженіемъ германскаго завоевателя идетъ разрушеніе Совѣтовъ, возстановленіе власти помѣщика и капиталиста, изгнаніе и убійство соціалистовъ. И, конечно, только вопросомъ времени могло явиться сверженіе Рады и передача нѣмцами власти правительству изъ настоящихъ матерыхъ помѣщиковъ и промышленниковъ.

Чему быть должно, того не миновать. Еще не высохли, какъ слѣдуетъ, чернила отъ подписанія Брестскаго мира, какъ германская военная каста уже доказала истинныя цѣли своего хозяйничанія на Украйнѣ. Сначала главнокомандующій ихъ силами генералъ Эйхгорнъ потребовалъ немедленнаго засѣва всѣхъ земель крестьянами съ тѣмъ, чтобы они вернули землю *помѣщикамъ*, если не смогутъ сами засѣять ее своими силами и сѣменами. Конечно, заботы о своемъ продовольствованіи стояли здѣсь у генерала впереди, но онъ преслѣдуетъ явно возвращеніе старыхъ земельныхъ порядковъ. Собравшійся сейчасъ Съѣздъ помѣщиковъ Украйны откровенно потребовалъ возврата къ старому и уничтоженія земельныхъ Комитетовъ, распредѣляющихъ землю. Въ то же время представители промышленности и торговли потребовали отъ правительства Украйны (т.-е. отъ Рады) не болѣе не менѣе, какъ «сохраненія частной собственности на землю и отмѣны такъ называемаго рабочаго контроля и всѣхъ попытокъ національзаціи предпріятій».

«Въ основу экономической жизни, заявляютъ хищники, почувствіе праздникъ на своей улицѣ—долженъ быть положенъ институтъ частной собственности». «Въ полномъ объемѣ должно быть возстановлено право владѣльцевъ распоряженія принадлежащими имъ предпріятіями». Вотъ откровенныя мысли, которыя бродятъ въ головахъ бывшихъ полновластныхъ хозяевъ жизни, которые ждутъ не дождутся минуты, чтобы вернуться къ своему господству и, конечно, германское командованіе, несущее съ собой основу буржуазнаго «порядка» и хозяйской закономности, поспѣшило удовлетворить замыслы помѣщиковъ и промышленниковъ: оно разогнало Раду и передало власть имъ самимъ. Такъ Брестскій миръ подготовляетъ окруженіе Россійской Совѣтской Республики еще однимъ буржуазнымъ сосѣдомъ.

По Брестскому миру Россія отказалась отъ всякаго вліянія на судьбу Польши, Литвы и балтійскихъ провинцій (Курляндія, Эстляндія и Лифляндія). Правда, народамъ, населяющимъ эти области, Совѣтская Республика предлагала свободное право опредѣлить свою дальнѣйшую политическую судьбу: входить ли имъ въ составъ Россіи или Австріи и Германіи, или быть совершенно независимыми. За это право ихъ національнаго самоопредѣленія русскіе революціонные послы вели долгую борьбу во время Брестскихъ переговоровъ. Теперь же, съ подписаніемъ германскаго мира, судьба всѣхъ этихъ народовъ рѣшалась не ихъ вольнымъ голосованіемъ, а единоличной судьбой имперіалистовъ Австріи и Германіи. Поляки, литовцы, латыши и эсты при такихъ условіяхъ должны были далеко забросить свои мечты о новыхъ трудовыхъ началахъ своей національной жизни. Тяжелая рука помѣщика и барона должна будетъ опредѣлить судьбу многихъ, и многихъ милліоновъ трудящихся, которые уже готовились къ иной совмѣстной жизни съ Совѣтской Россіей. Въ особенности была печальна судьба героическаго трудового населенія Лифляндіи и Эстляндіи, выдѣлившаго самые смѣлые, самые революціонные латышскіе полки, создавшаго самые мощные Совѣты рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ на своей землѣ.

Но и Арменія, страна, много испытавшая горя подъ желѣзной рукой Турецкаго государства, уже освобожденная въ своихъ большихъ частяхъ, по Брестскому миру, вопреки волѣ трудящихся вернулась назадъ къ Турціи. Вернулась она не одна, а вмѣстѣ съ новыми областями (Карсъ, Батумъ, Ардаганъ). Многоязычное трудовое населеніе этой страны уже давно и тѣсно пріобщилось къ дѣлу и плодамъ россійской революціи. Рабочіе и крестьяне Арменіи, такимъ образомъ, не только не воспользовались провозглашеннымъ нами для всѣхъ народовъ правомъ на опредѣленіе своей судьбы, но попали опять изъ государства Совѣтовъ и Революціи въ государство деспотизма и помѣщичьяго своеволія.

Такъ принуждена была Совѣтская Республика отказаться по Брестскому миру отъ многихъ и многихъ своихъ родныхъ дочернихъ республикъ. Такъ отрѣзала она отъ живого тѣла своего все большія и большія здоровыя цвѣтущія части. Отъ нея отходили милліоны сознательныхъ и вставшихъ къ революціонной жизни крестьянъ и рабочихъ, которые ее самое лишали помощи и которымъ она сама не могла больше помогать. Совѣтская Республика

тѣмъ самымъ окружалась тѣснымъ кольцомъ раздавленныхъ, уничтоженныхъ, закабаленныхъ народовъ. Не героизмъ и не жажда дальнѣйшей борьбы, а паденіе духа и воли рождала она при такихъ условіяхъ кругомъ себя въ Россійской Республикѣ, заключая грабительскій миръ.

Соціальныя послѣдствія мира.

Но можетъ быть Брестскій миръ только оторвалъ отъ Совѣтской Республики ея истинныхъ друзей и соратниковъ, ослабивъ ее *во внѣ*, но даетъ зато оставшейся Совѣтской Россіи возможность отдаться цѣликомъ *внутренней* творческой работѣ соціальнаго строительства? Такъ ли это однако?

Согласно Брестскаго договора, нѣмецкимъ, австрійскимъ и болгарскимъ гражданамъ должны быть обезпечены въ предѣлахъ Россіи всѣ тѣ гражданскія права и вольности, которыми они пользовались до войны. Это значитъ, что всѣ тѣ великія соціальныя ограниченія, которыя были положены нашей революціей на капиталъ земельный, промышленный, торговый и банковскій, не будутъ распространяться на капиталъ нѣмецкій. Это значитъ, что если въ предѣлахъ Совѣтской республики капиталистомъ, купцомъ, банкиромъ или помѣщикомъ будетъ германскій подданный, то онъ противостоитъ всему дѣлу, всему духу нашей соціальной революціи. Если какой-нибудь клочекъ земли, имѣніе или помѣстіе принадлежитъ нѣмецкому подданному, то революціонный народъ не можетъ передать его въ пользованіе трудящагося или сможетъ передать его, только предварительно выкупивъ ихъ у частнаго собственника. Такимъ образомъ въ странѣ, гдѣ проводится соціализація земли, возстанавливается частично частная собственность на землю.

Если какое нибудь промышленное предпріятіе, фабрика, заводъ или мастерская принадлежатъ цѣликомъ или даже частью нѣмецкому подданому, то въ этомъ предпріятіи Совѣтская власть не можетъ установить *контроля рабочихъ* надъ производствомъ, ибо это будетъ значить вторгаться въ область гражданскихъ правъ частнаго собственника. Если всѣ акціи или даже только большая часть ихъ какого-нибудь банка принадлежитъ нѣмецкому подданому, Совѣтская власть въ этомъ банкѣ не сможетъ установить

своихъ порядковъ, не сможетъ передать банка въ завѣдываніе и распоряженіе народа. Если бумаги нашихъ внѣшнихъ займовъ, которые Совѣтской властью были объявлены потерявшими силу, принадлежатъ нѣмецкому подданому, то они должны быть оплачены копѣйка въ копѣйку.

Иными словами, всѣ тѣ великія соціальныя преобразованія, при помощи которыхъ Совѣтская власть стала переводить Россію изъ рамокъ государства буржуазнаго въ рамки государства трудового, останавливаются и не осуществляются въ примѣненіи къ капиталисту—побѣдителю революціонной страны. И само—собою ясно, что капиталисты всѣхъ другихъ странъ, работающіе въ Россіи, и прежде всего капиталистъ россійскій, постараются уравняться въ правахъ съ капиталистомъ германскимъ. А для этого надо сдѣлать весьма немного: надо только передать, хотя бы фиктивно, свои хозяйскія права на имя германскаго, австрійскаго или турецкаго подданаго; и черезъ это подставное лицо возродится вновь въ силѣ и славѣ своей потерпѣвшій было отъ Совѣтской власти россійскій буржуа.

Еще задолго до октябрьской революціи, а въ особенности послѣ нея стало замѣтно, что во многихъ губерніяхъ черноземной Россіи кѣмъ то скупаются земли русскихъ помѣщиковъ.

Это казалось страннымъ тогда, когда земля по закону революціи переставала быть товаромъ, когда она теряла свою денежную цѣнность, но это понятно теперь, когда черезъ иностранный капиталъ русскіе помѣщики смогутъ вернуть себѣ права собственника и господина надъ землей. Сейчасъ еще трудно сказать, какихъ размѣровъ достигла или достигаетъ скупка помѣщичьихъ земель, но можно съ увѣренностью сказать, что счетъ, который бывшее землевладѣніе предъявитъ Совѣтской власти, будетъ огромнымъ. Даже въ лучшемъ случаѣ, если Совѣтской власти удастся вернуть всю землю безъ остатка, онъ ее вернетъ уже только съ выкупомъ. Соціализація земли пройдетъ уже не та, какъ ее задумала революція и трудовое крестьянство, а та, какъ это допустятъ бывшіе, казалось бы мертвые, похороненные навѣки помѣщики. Тоже самое конечно приключится и съ русскимъ промышленникомъ, купцомъ и банкиромъ. Если какъ русскій подданый, онъ обязанъ подчиняться законамъ рабочаго контроля на фабрикахъ и заводахъ или націонализаціи банковъ и другихъ отраслей производства, то, сдѣлавъ ширмой для себя

имя германскаго или австрійскаго подданаго, онъ обезпечиваетъ свои классовые интересы вполнѣ. Уже изъ газетъ мы знаемъ давно, что цѣлыя груды акцій россійскихъ частныхъ банковъ и промышленныхъ предпріятій перепродаются прямо или черезъ подставныхъ лицъ въ руки германскихъ подданныхъ. И, конечно, достаточно только того, чтобы надъ такимъ предпріятіемъ взвился германскій флагъ, или чтобы въ немъ сталъ хозяйничать кромѣ россійскаго буржуа еще и его германскій сподручный, чтобы передъ дверьми этого предпріятія въ безсиліи опустилась рука Совѣтской власти. Буржуазія всѣхъ странъ связана между собой тѣсно и разрывно; къ несчастью, она между собою связана больше, чѣмъ трудящіеся всѣхъ странъ. И хотя россійская буржуазія горѣла воинственнымъ пыломъ во время этой войны больше всѣхъ другихъ классовъ, но при защитѣ своихъ классовыхъ интересовъ она сразу и безъ долгаго раздумья столкуется съ буржуазіей германской, австрійской и др. И если надо выступать подъ чужимъ именемъ, буржуазія скажетъ: что въ имени тебѣ моемъ? И заключитъ тайный и вѣрный союзъ съ буржуазіей германской.

Но если такія права получитъ въ Совѣтской странѣ буржуазія германская, то о нихъ же начнетъ хлопотать и буржуазія иная, «союзная»—англійская, французская. Какія основанія, какія и разумныя сможетъ ей противопоставить Совѣтская власть? Если бумаги заграничныхъ займовъ попадающія въ руки германскихъ и имъ подобныхъ подданныхъ, должны будутъ оплачиваться сполна, то этого же вскорѣ и настойчиво потребуютъ и капиталисты союзныхъ странъ. И если имъ придется также уступить, то что же останется отъ всего нашего аннулированія займовъ (объявленія ихъ потерявшими силу)? Но когда часть банковъ и промышленныхъ предпріятій попадетъ въ руки германскихъ или будто германскихъ капиталистовъ, когда въ ихъ предпріятіяхъ не будетъ ни рабочаго контроля или иного надзора Совѣтской власти, то конечно, они будутъ составлять самую сильную *конкуренцію* предпріятіямъ россійскимъ, въ которыхъ будутъ дѣйствовать законы Совѣтовъ. Ибо, конечно, капиталистическій опытъ и хозяйская сноровка будутъ еще долго побѣждать на первыхъ порахъ народное хозяйство, перестраивающееся на новыхъ началахъ трудового государства.

Что же получится въ итогѣ этого внѣдренія иностраннаго

капиталиста въ Россійское Совѣтское Государство? Получится то, что *ни одна* изъ соціальныхъ реформъ октябрьской революціи не будетъ имѣть въ Совѣтской Республикѣ, общаго распространенія: каждая изъ нихъ будетъ имѣть свои исключенія, которыя будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться въ своемъ числѣ. Ни соціализація земли, ни націонализація банковъ или разныхъ отраслей промышленности, ни рабочій контроль, ни аннулированіе внѣшнихъ займовъ — ни одна изъ этихъ великихъ реформъ не будетъ осуществляться на родинѣ этихъ реформъ. Буржуазія будетъ медленно, но упорно укрѣпляться сначала въ хозяйственномъ дѣловомъ мірѣ. Но само—собою ясно, что это хозяйственное ея усиленіе вскорѣ начнетъ превращаться въ усиленіе *политическое*. Буржуазія начнетъ возвращаться въ свои права.

Такъ Брестскій миръ, начавъ съ капитуляціи во внѣ, вынужденъ будетъ переходить къ капитуляціи внутренней, къ сдачѣ соціальныхъ позицій октябрьской революціи и внутри страны.

Хозяйственная слабость.

Но Совѣтская Республика не только ославляетъ свою политику внутри страны: она скоро почувствуетъ и свою *хозяйственную слабость*. Брестскій миръ отнимаетъ у нея питающіе ее *матеріальные корни и средства*, отдавая ихъ въ то же время на потребу австро-германскаго капитала. Тѣ области, которыя сейчасъ оторваны отъ Россіи, были съ нею спаяны не только единствомъ борьбы, но и единствомъ *хозяйственнымъ*, экономическимъ. Украйна питала промышленный сѣверъ хлѣбомъ, Донецкій бассейнъ—металлами и углемъ, Кавказъ—нефтью. Сѣверъ снабжалъ зато всѣ эти области Россіи своими промышленными издѣліями. Теперь же всѣ естественныя богатства Украйны, Дона, Кавказа попадаютъ подъ суровый надзоръ германо-австрійскаго имперіализма, всѣ они по служатъ на пользу интересамъ этого имперіализма. Совѣтская Республика, истощенная мучительными годами войны и не менѣе мучительными мѣсяцами первыхъ «революціонныхъ» правительствъ, будетъ нуждаться въ самомъ необходимомъ для того, чтобы только стать на ноги. И въ то же время она будетъ знать, что нужное ей увозится въ Германію и Австрію, гдѣ оно послужитъ для

дальнѣйшаго накопленія силъ, для продолженія и затягиванія войны.

Совѣтская Россія какъ-бы своими руками будетъ вкладывать новое оружіе въ руки воюющей Германіи. Надо бы говорить о томъ, какое успокаивающее дѣйствіе должны производить русскіе запасы на обнищавшіе германскіе трудовые классы? Нужно бы еще добавлять, какъ притокъ свѣжихъ естественныхъ продуктовъ съ востока будетъ ославлять революціонную волю германскихъ трудящихся массъ? Одна изъ самыхъ страшныхъ угрозъ для имперіалистскихъ владыкъ Германіи—угроза голода, истощенія, обнищанія,—ослабляется сильно тѣми средствами, которыя даетъ въ руки этихъ владыкъ Брестскій миръ.

Международное вліяніе.

Этотъ миръ сдѣлалъ и другое: онъ сильно ослабилъ *международное вліяніе* нашей революціи. Съ самаго начала ея мы знали, что она сможетъ разрѣшить свои великія соціальныя задачи, что она сможетъ преодолѣть окончательно войну только при поддержкѣ, при содѣйствіи движенія рабочихъ и крестьянъ Европы. Но если успѣхи революціи Россійской зависятъ отъ Европы, то она же, въ свою очередь, мощно вліяла на эту Европу своимъ заразительнымъ примѣромъ, своимъ мужественнымъ шествіемъ впередъ по терніямъ, своими героическими страданіями. Конечно, революціи нигдѣ не совершаются подъ вліяніемъ однихъ добрыхъ примѣровъ, но мы знаемъ, что почва для революціи въ Европейскихъ странахъ подготовляется давно, а созрѣла за время этой войны. Война накопила во всѣхъ воюющихъ странахъ слишкомъ много горючаго матеріала, слишкомъ много жгучаго и революціоннаго возмущенія. И нужно первое пробужденіе какой-нибудь страны, чтобы все это безформенное революціонное броженіе превращалось въ строгій и великій матеріалъ революціи. Такой страной являлась Россія, такой страной является она и сейчасъ. Но Брестскій миръ это значеніе нашей страны довелъ до низшей степени. *Ибо наша капитуляція* наша сдача на милость побѣдителя *усилила* не только матеріально, но и духовно *германскій имперіализмъ*. Ибо она дала ему возможность выставлять себя въ глазахъ безсознательныхъ массъ, какъ носителя побѣдъ и выгодъ

для рабочихъ слоевъ. Ибо она дала ему возможность указывать пальцемъ на безсиліе революціонной страны, которую онъ смогъ заставить служить себѣ. Наша капитуляція усилила въ то же время и *имперіализмъ Франціи, Англіи и Америки.* Ибо торжество германскаго имперіализма надъ Россіей дало благопріятный поводъ господствующимъ классамъ этихъ странъ подстегнуть патріотическія чувства англійскихъ и французскихъ рабочихъ и крестьянъ, дать возможность французскимъ и англійскимъ капиталистамъ призывать вновь въ своихъ странахъ къ «всенародному единенію», къ національной оборонѣ.

Вотъ они международныя послѣдствія германскаго мира: Въ революціонную атмосферу Европы, поддерживавшуюся борьбой и страданіями Россіи, вернулись опять (конечно, не надолго) старыя затасканныя, развращающія слова и чувства. *Наступательный патріотизмъ* и дружба или склоненіе передъ своей буржуазіей, во имя громкихъ успѣховъ на войнѣ—вотъ, что возродилось въ Германіи и Австріи. *Оборонительный патріотизмъ* и дружба или склоненіе передъ своей буржуазіей, изъ-за кровавыхъ неудачъ на войнѣ—вотъ что возродилось вновь въ Англіи, Франціи и Америкѣ.

Угашеніе духа.

Но самымъ худшимъ, самымъ опаснымъ послѣдствіемъ Брестскаго мира является не только то, что мы оказывали до сихъ поръ. Опасно не только суженіе *географическихъ* предѣловъ трудовой страны. Опасно не только *хозяйственное* потрясеніе революціоннаго организма. Опасно не только подавленіе справедливыхъ чаяній маленькихъ народовъ, устраненіе съ поста дѣйственнаго международнаго вліянія.

Но много разъ опаснѣе еще другое: то угашеніе, *то обезсиленіе, омертвеніе духа,* которое принесъ съ собой Брестскій миръ.

Ибо не въ послѣдней рѣшительной схваткѣ и не подъ занесеннымъ надъ головой ударомъ ножа сдалась россійская революція. Она сдалась и сдалась безъ боя, *безъ попытки* боя. Передъ глазами затаившихъ дыханіе народовъ она заявляла настойчиво, упорно, съ отчаяніемъ о своемъ безсиліи, о своей безнадежной слабости, о

своемъ политическомъ малокровіи. И съ тѣхъ поръ какъ, рѣшеніе подписать Брестскій миръ было принято, по странѣ пошла широкая волна безсилія и слабости. Хотѣлось всѣмъ думать о мирѣ, только о мирѣ—несмотря на то, что жизнь каждый день разбивала эти мечты. И если въ одной части страны загоралась борьба то противъ гайдамаковъ (подданныхъ Рады) то противъ германскихъ бандъ, то противъ румынской контръ-революціи, въ другой части, хотя бы и сосѣдней, старались уклониться отъ братской помощи. Когда, напримѣръ, погибала подъ ударами имперіалистовъ Совѣтская Украйна, у сосѣдняго Дона не было охоты подниматься на ея защиту. Труженики Дона, зачарованные видѣніемъ Брестскаго мира. не вмѣшивались въ дѣло спасенія тружениковъ украинскихъ. надѣясь тѣмъ охранить *свою* область, *свои* границы отъ нападенія насильниковъ. Конечно, всѣ эти надежды оказываются безсмысленными, т. к. погибель одной области неминуемо ведетъ за собою гибель и сосѣднихъ. Проповѣдь мира, какого бы ни было, хотя и разбивающаго все дѣло соціальной революціи, обезсиливаетъ, обезволиваетъ крестьянъ и рабочихъ, заставляетъ ихъ пріучаться къ классовымъ униженіямъ, къ классовой примиренности. Брестскій миръ далъ законное право успокоиться и ложно успокаивать другихъ всѣмъ сытымъ, поникшимъ духомъ, трусливымъ, убѣгающимъ отъ борьбы и возстанія.

Что показала жизнь.

Таковы послѣдствія Брестскаго мира, котораго нельзя назвать иначе какъ миромъ контръ-революціоннымъ. Ихъ много, очень много этихъ послѣдствій, и ясно становится, что его нельзя было подписывать. И теперь по прошествіи какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ со дня этого подписанія, странными и безжизненными кажутся всѣ доводы, которые приводились въ пользу его. Говорили о „передышкѣ“, объ „отдыхѣ“, которую получитъ трудовой народъ.

Но развѣ не пустой надеждой былъ этотъ самый отдыхъ? Развѣ оставлено народу время и мѣсто для собиранія и подготовки его силъ?

Со всѣхъ сторонъ напираютъ на Совѣтскую Россію ея имперіалистскіе враги. „Великія“ державы не даютъ ей ни отдыха, ни сроку. Непрерывный ураганъ нотъ и заявленій сыплется на Со-

вѣтскую власть со стороны Германіи: мы же едва успѣваемъ отвѣчать протестами на насилія, творящіяся надъ нами. Лучшія и богатѣйшія части страны занимаются нашими классовыми врагами, и на бывшей Совѣтской землѣ воцаряются порядки помѣщичьи и капиталистическіе. Заняты уже Крымскіе города и села, и оттуда бѣжитъ Таврическая Совѣтская власть. Занимается Донъ и оттдуда бѣжитъ юная Совѣтская Республика, уступая мѣсто контрреволюціоннымъ генераламъ. Занимается Кавказъ и оттуда изгоняется вольный строй жизни, вскормленный и вспоенный многими годами, работою поколѣній. Подъ постоянной угрозой находится Петроградъ. Германскіе отряды вторгаются въ Воронежскую и Курскую губерніи. А у ослабѣвшаго народа нѣтъ внутреннихъ силъ, нѣтъ внутренней вѣры въ возможность сопротивленія, отпора и борьбы.

Но предъявляютъ свои требованія, готовятъ неизвѣстные шаги противъ Совѣтской Россіи и державы „союзныя“. То на сѣверѣ, то на далекомъ востокѣ мы узнаемъ ихъ тихіе, вкрадчивые, но слышные шаги. Боясь, что нами и нашими естественными богатствами завладѣютъ одни германцы, „Союзники“ наши спѣшатъ и сами во время принять участіе въ дѣлежѣ этихъ богатствъ. То черезъ Японію, то непосредственно сами они пытаются воздѣйствовать на Совѣтскую власть, пытаются вернуть ее къ служенію своимъ интересамъ. А въ итогѣ: могучая по замыслу, смѣлая по первымъ своимъ мѣсяцамъ Совѣтская Республика превращается почти въ безвольную игрушку въ рукахъ имперіалистскихъ державъ, въ предметъ для постоянныхъ угрозъ и запугиваній.

Это ли та „передышка“, о которой мечталъ народъ?

Не ясно ли всякому, что борьба не минуема?

Но если борьба неминуема, то ее надо вести, не откладывая. Сейчасъ, именно сейчасъ она видна и понятна народу, какъ борьба *классовая*. Сейчасъ рабочіе и крестьяне прекрасно видятъ, съ какими цѣлями и во имя чьихъ классовыхъ интересовъ наступаютъ германскіе штыки: слишкомъ свѣжи раны убиваемыхъ товарищей.

Борьба трудящихся противъ наступающей извнѣ буржуазіи и противъ содѣйствующей ей извнутри контръ-революціи—вотъ смыслъ той борьбы, которая сейчасъ медленно развертывается и ясна всякому. Послѣ, когда источники борьбы съ наступающими силами начнутъ угасать въ сознаніи массъ, борьба съ Германіей и Австріей приметъ форму борьбы *національной*, государственной.

И тогда послужитъ она не прояснению сознанія трудящихся, а новому вторженію буржуазныхъ лозунговъ и словъ, новому взрыву патріотическихъ чувствъ, которые опять свяжутъ трудовые классы съ владѣющими во имя будто общенародныхъ задачъ. Это—великая опасность потому, что въ привычкахъ національной злобы и ненависти будутъ воспитываться молодыя поколѣнія, и въ этой злобѣ будутъ гибнуть взращенные революціей ростки мірового братства трудящихся.

Революціонный народъ не можетъ пріостановить своей борьбы до какого нибудь болѣе удобнаго случая. Если онъ это сдѣлаетъ сейчасъ во имя „передышки", онъ только уподобится тому солдату на посту, въ зимнюю ночь, который, борясь со сномъ и замерзаніемъ, увѣряетъ себя, что только на пару минутъ онъ сомкнетъ глаза. Но горе ему, если онъ подчинится своему желанію, стоитъ ему только закрыть глаза на одну минуту, и онъ заснетъ уже мертвымъ сномъ.

Трудовой людъ усталъ жестоко, онъ истосковался по своей пашнѣ, по своему станку. Онъ хочетъ забыть о далекомъ окопѣ и быть только семьяниномъ, труженикомъ, гражданиномъ. Это знаетъ и наша партія, партія рабочаго и трудового крестьянина, и все же она ему указываетъ на грозящія Совѣтской Республикѣ опасности. Отъ жестокихъ велѣній жизни не убѣжишь, не спрячешься: на нихъ надо дать прямой и честный отвѣтъ. Совѣтская Республика, нищая и истерзанная, угрожаемая со всѣхъ сторонъ міровыми хищниками, ограбленная въ своихъ естественныхъ богатствахъ, отрѣзанная отъ милліоновъ своихъ соратниковъ, не сможетъ долго держаться, если она не будетъ бороться за свое существованіе. Она тогда падетъ раньше, чѣмъ ей придетъ на помощь революція международная. Она падетъ, и подъ развалинами своими схоронитъ надолго самыя гордыя, самыя прекрасныя мечты человѣчества. Но если она будетъ бороться за свое священное дѣло, если грудью за нее станутъ всѣ сознательные рабочіе и крестьяне, если страданіями своими, но и величіемъ своего духа она будетъ будить весь міръ голодныхъ и рабовъ, тогда она дождется революціи міровой, тогда она поможетъ ей родиться.

Какъ бороться?

Какъ же бороться Совѣтской Республикѣ? На это мы даемъ свой ясный отвѣтъ. Не насиліемъ надъ свободной волей трудящагося, не обязательной воинской повинностью можетъ быть создана революціонная армія крестьянъ и рабочихъ. Армія соціальной революціи можетъ состоять лишь изъ *добровольно* примкнувшихъ къ ней трудящихся. Только тѣ изъ нихъ, которые зажигаются священнымъ огнемъ революціи, кто понимаетъ смертельную опасность, нависшую надъ нею, кто чувствуетъ кровную связь между отдѣльными частями Совѣтской Россіи—только тѣ могутъ принять участіе въ *возстаніи* противъ убывающаго насъ имперіализма,

Это возстаніе угнетенныхъ классовъ противъ наступающей на нихъ власти капитала—неизбѣжно, если бы даже и казалось кому либо, что оно развивается слишкомъ медленно. Немедленно по занятіи германскими отрядами Псковской губ. и Прибалтійскихъ губерній, тамъ стало расти *крестьянское возстаніе*. На жестокомъ опытѣ, на горькихъ примѣрахъ трудовое крестьянство этихъ областей познало возвращеніе власти помѣщиковъ и капиталистовъ. Не равное право на трудъ и на землю, а равное право на нищету и неволю—вотъ что несетъ за собой побѣдившій капиталъ въ этихъ мѣстахъ. Не миръ и не спокойствіе уставшимъ, а жестокую месть и безпощадную расправу—вотъ что несетъ съ собой побѣдившій зубръ—помѣщикъ. Но больше всего и грознѣе всего расплачивается капиталъ за пережитое волненіе и униженіе на Украйнѣ. И потому то извѣстіе о вспыхивающихъ зачаткахъ крестьянскихъ возстаній приходятъ все чаще и чаще оттдуда.

Къ этимъ возникающимъ стихійно, самочинно возстаніямъ должны примыкать, съ ними должны сливаться организованное повстанческое движеніе во всѣхъ мѣстностяхъ Совѣтской Республики.

Рабочіе и крестьяне *занятыхъ* классовымъ врагомъ областей должны постоянно чувствовать братскую помощь трудящихся изъ *свободныхъ* земель нашей республики. Рабочіе и крестьяне всѣхъ странъ должны знать, а по нашимъ дѣйствіямъ и убѣдиться, что тамъ, гдѣ хоть разъ существовала власть Совѣтовъ, не можетъ болѣе утвердиться надолго ни частная собственность, ни разгулъ хозяйскаго своеволія, ни владычество капитала.

Къ этой упорной борьбѣ мы и призываемъ. Призываемъ лишь тѣхъ, кто въ состояніи понять свой классовый интересъ и свой революціонный долгъ.

Ибо мы еще и еще разъ говоримъ рабочему и крестьянину: если ты не поймешь смертельной угрозы, идущей отъ Брестскаго мира, если ты не преодолѣешь въ себѣ волны слабости, затопившей тебя сейчасъ, то все равно падешь подъ ударами контръ-революціи. Если же ты, призвавъ на помощь свою старую революціонную доблесть, опять построишься въ боевые ряды, если опять по міру пойдетъ грозная слава о твоихъ классовыхъ движеніяхъ впередъ, ты опять вольешь живую силу въ источники международнаго революціоннаго движенія. Если среди трудящихся сейчасъ много отставшихъ, ослабѣвшихъ духомъ, не вѣрящихъ въ силы революціи, то имъ надо сказать спокойно и сурово: *отойдите всѣ, кто дрогнулъ!* Отойдите къ работѣ мирной и творческой, къ залечиванію ранъ, причиненныхъ войной и возстановленію потрясенныхъ хозяйственныхъ порядковъ, всѣ тѣ, кто не вѣритъ сейчасъ въ боевыя силы соціальной революціи! И пусть для рѣшительной, для, быть можетъ, послѣдней борьбы около знамени возстанія сомкнутся сначала немногочисленные, но зато бодрые и стойкіе до конца ряды.

Массы народные будутъ приливать къ этому знамени послѣ. какъ только борьба и страданіе и побѣда начнутъ сверкать около этого революціоннаго знамени.

Брестскій миръ сильно угасилъ революціонный духъ народа. Но этотъ же миръ возродитъ опять въ народѣ революціонное воодушевленіе. Ибо рабочіе и крестьяне Совѣтской Республики хорошо знаютъ, о чемъ кричитъ и вопитъ каждая строчка этого „мирнаго договора“. Брестскій миръ неумолчно призываетъ ихъ къ одному:

Крестьяне, защищайте Ваше право на землю!
Рабочіе, защищайте Ваше право на трудъ!
Трудящіеся, защищайте Ваше право на власть!

Библиотека
Института Ленина
при ЦК КПСС

И. З. Штейнбергъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ»
при Ц. К. П. Л. С.-Р.
Москва. Скобелевская площ., гост. Дрезден., комната № 154.

Поступили в продажу слѣдующія изданія:

1. Устинов. Интернаціонал и война, ц. 20 к.
2. Иванов-Разумник. За что воюют великія державы, ц. 20 к.
3. Устинов—Земельный вопрос, ц. 20 к.
4. П. Орѣшнин. Зарево. стихи, ц. 3 р.
5. Вокругъ Учредит, Собранія Сб. статей, ц. 1 р. 50 к.
6. М. Спиридонова. Рѣчи и статьи, ц. 25 к.
7. В. Трутовскій. Переходный період (между капитал. и соціализм). ц. 2 р.
8. Отдѣленіе церкви от государства, ц. 20 к.
9. Извѣщеніе о первом сѣздѣ пар. лѣв. соц.-рев. интернац., ц. 20 к.
10. Основной закон о соціализ. земли.
11. Б. Камков. Двѣ тактики.
12. Иванов-Разумник. Год революціи, ц. 4 р.
13. А. Комов, Къ вопросу о теоретич. основах соціалист. протрам-мы, ц. 1 р. 30 к.
14. Устройство боевыхъ организацій, ц. 25 к.
15. Л. Шишко. К вопросу о минимальн. программѣ, ц. 1 р. 30 к
16. С. Мстиславскій. Не война, но возстаніе, ц. 1р.
17. Протоколы 1-го съѣзда.
18. Матеріалы по пересмотру партійной программы. (Сборник статей)
19. Памяти Каляева, 1 р. 25 к.
20. С. Есенин, Голубень Сборник стихов, 2 р.
21. Боевыя предпріятія партіи соціалистов-революціонеров в освѣ-щеніи охранки. 3 р.
22. Александр Блок. Двѣнадцать. Революціонная поэма, 1 р.
23. Бесѣды о кр. орган. 45 к.
24. Свен. Церковь и государство 45 к.
25. Свен. Свобода совести и отд. цер. от государства, 45 к.
26. И. З. Штейнберг почему мы против Брестскаго мира, 45 к.